

— Книги на других полках расставлены очень аккуратно, не слишком плотно, но не разрозненно, а вот на этой полке книги уложены вплотную, без зазоров. Все книги стоят корешками наружу, вертикально, а вот эта книга лежит корешком вверх, горизонтально, и выделяется среди других.

Чу Сяннань осторожно достал книгу, и на внутреннем углу корешка действительно было много крови.

— Поэтому я подумал, что, возможно, Тун Цзинфэй, ударив Цзинь Сюаня, в спешке засунул ее на самую верхнюю полку, забыв аккуратно расставить.

— Очень вероятно.

Фан Чхи взял книгу и с удивлением сказал:

— Я видел эту книгу, но помню, что она должна быть...

Фан Чхи присел, его взгляд остановился на средней полке книжного шкафа, и он точно поставил книгу с надписью «Том второй» рядом с «Томом первым».

— Да, она должна быть здесь.

Чу Сяннань подошел, его рука опустилась как раз на высоту, где книга находилась изначально. Фан Чхи, глядя на руку Чу Сяннаня и книгу рядом с ней, внезапно понял.

— Вот как.

Фан Чхи пробормотал это, медленно выпрямился. Он вдруг схватил незащищенные запястья Чу Сяннаня, сделал широкий шаг вперед, ногой вклинился между его ног и всем телом прижал Чу Сяннаня к книжному шкафу, зафиксировав его запястья над головой.

Руки Чу Сяннаня были зажаты над головой, а спина плотно прижата к шкафу. Он недоверчиво расширил глаза, внезапно напуганный неожиданными действиями Фан Чхи, и воспоминания из прошлой жизни хлынули в его голову.

Чу Сяннань в панике закричал:

— Фан Чхи, что ты делаешь!

Фан Чхи приблизил губы к тонкой шее Чу Сяннаня, его дыхание было горячим, но взгляд оставался холодным:

— Цзинь Сюань прижал Тун Цзинфэя к этому шкафу, одной рукой зафиксировал его руки, а другой начал дергать за воротник его одежды.

Сказав это, он одной рукой держал запястья Чу Сяннаня, а другой начал расстегивать жемчужные пуговицы на его жемчужно-белой одежде.

Чу Сяннань наконец понял, что Фан Чхи воспроизводит сцену преступления, и те ужасные воспоминания постепенно исчезли. Он успокоился и, закатив глаза, начал играть роль Тун Цзинфэя.

Избавившись от первоначальной паники, Чу Сяннань стал похож на кролика, спокойно сидящего в объятиях Фан Чхи. Фан Чхи, уткнувшись в шею Чу Сяннаня, почувствовал, что его

запястья успокоились, и, слегка подняв голову, посмотрел ему в глаза:

— Сейчас я тебя принуждаю, ты должен сопротивляться.

Чу Сяннань, который в прошлой жизни уже переживал подобное, почувствовал легкое смущение, когда лицо Фан Чхи оказалось так близко. Он вздохнул и попытался войти в состояние страха и стыда Тун Цзинфэя, начав сильно размахивать руками, но в следующую секунду он увидел, что Фан Чхи действительно расстегивает жемчужные пуговицы на его одежде, и одна из трех уже была расстегнута.

Чу Сяннань с раздражением крикнул:

— Фан Чхи, лучше тебе остановиться!

Фан Чхи послушно остановился и с сожалением посмотрел на Чу Сяннаня.

«Что ты там сожалеешь!»

Фан Чхи, выпрямившись, продолжал держать его руки и сказал:

— Тун Цзинфэй, воспользовавшись моментом, когда Цзинь Сюань ослабил хватку, резко освободил одну руку.

Чу Сяннань, играя роль, освободил одну руку. Освободившаяся рука, из-за боли, опустилась вниз, и он инстинктивно начал искать что-то для защиты, но смог только нащупать толстые книги.

В этот момент Чу Сяннань остановился и, глядя на Фан Чхи, сказал:

— Я понял.

Фан Чхи, глядя на его ясные, как озеро, глаза, с улыбкой закончил историю:

— Он схватил одну из книг и изо всех сил ударил Цзинь Сюаня по затылку, пока тот был прижат к его шее.

Чу Сяннань продолжил:

— После того, как Цзинь Сюань упал, Тун Цзинфэй спрятал книгу на самой верхней полке, но из-за паники положил ее горизонтально.

Фан Чхи убрал ногу и опустил руки Чу Сяннаня, но не отпустил их.

Он мягко массировал слегка покрасневшие запястья Чу Сяннаня и сказал:

— Тун Цзинфэй был невысоким. Я думаю, что он не положил книгу горизонтально из-за паники, а, наоборот, заставил себя успокоиться, но из-за своего роста смог положить ее только так.

Фан Чхи продолжил:

— Цзинь Сюань, держась за голову, упал, и его руки испачкались кровью. Увидев, что Тун Цзинфэй пытается убежать, он схватил его за подол одежды, оставив на нем следы крови.

Чу Сяннань, позволяя ему массировать свои запястья, спросил:

— Следы трения на полу — это потому, что Цзинь Сюань встал или Тун Цзинфэй убежал?

— Нет. На полу, кроме крови, нет следов крови, что означает, что никто из них не наступил на кровь.

Фан Чхи, видя недоумение в глазах Чу Сяннаня, пояснил:

— Я понимаю твой вопрос, ты подозреваешь, что они убрали следы. Если бы Цзинь Сюань наступил на кровь, ему бы не нужно было ее убирать. Если бы Тун Цзинфэй наступил, другие следы крови остались бы, и он бы не стал убирать только свои следы.

— Тогда откуда следы трения?

Фан Чхи ответил:

— Вероятно, это следы от рук или волос Цзинь Сюаня. На полу есть кровь, значит, он упал, и если он держался за голову, то, конечно, мог задеть кровь на полу.

Чу Сяннань оттолкнул его руку и сказал:

— Все, хватит, больше не нужно массировать. В следующий раз, когда будешь воспроизводить сцену преступления, предупреди меня, а то я чуть не испугался.

Фан Чхи с виноватым видом отпустил его руки:

— Прости... Я не думал, что оставлю следы, даже если держал их всего несколько мгновений.

Чу Сяннань, видя его щенячий взгляд, повернул запястья и сказал:

— Ничего страшного.

Зазвонил колокол, сигнализируя об окончании занятий. Фан Чхи потянулся и сказал Чу Сяннаню:

— Ладно, давай пойдем домой.

Чу Сяннань, которого он толкал к выходу, удивился:

— Мы больше не будем расследовать?

— Будем, конечно. Просто у меня есть догадка, и я хочу завтра допросить их всех по отдельности, чтобы подтвердить ее. Сегодня лучше вернуться домой и все обдумать.

Они вышли из Библиотечного павильона Цинъюнь. Солнце уже почти село, вися на горизонте и озаряя небо теплым желтым светом. Небо, освещенное закатом, было окрашено в розовые тона, словно пышные распустившиеся розы, нежные и соблазнительные.

— Не ожидал, что в академии может произойти такое.

Фан Чхи, жуя травинку, сорванную с обочины, спокойно сказал:

— На самом деле, убийства происходят везде и всегда.

— Значит, ты вот так вот несколько лет смотрел на трупы?

— Да.

Фан Чхи прозрачно улыбнулся:

— Но, в общем-то, ничего страшного, привыкаешь.

Чу Сяннань тихо спросил:

— В начале тебе снились кошмары?

Фан Чхи покрутил травинку во рту, прежде чем ответить:

— Иногда снились.

Через некоторое время он тихо засмеялся:

— Никто никогда не спрашивал меня об этом. Сяннань, я заметил, что ты всегда задаешь мне вопросы, которые другие не задают. В этот раз так же, как и в прошлый раз с Шаояо.

Чу Сяннань, услышав это, невольно повернулся к юноше.

Юноша смеялся беззаботно, как всегда. Высокий и стройный, с широкими плечами, черные волосы, собранные в хвост, качались в такт шагам, глаза были ясными и светлыми, тонкие губы слегка приподняты, а между белыми зубами виднелась зеленая травинка. Его очертания в розовом свете неба выглядели размытыми и легкими, и хотя он излучал юношескую энергию, Чу Сяннань почувствовал, что из глубины его души исходит редкое чувство одиночества и печали.

— Правда?

Чу Сяннань отвернулся, больше не глядя на него.

Фан Чхи, кажется, снова поднял настроение. Он глубоко вдохнул и предложил:

— Сегодня вечером, может, пойдешь ко мне поужинать?

Чу Сяннань странно посмотрел на него и решительно отказался:

— Нет.

— Почему? Ты даже не подумал, отказался так быстро. Знаешь, как мне обидно?

«Драматик».

<http://bllate.org/book/16491/1498792>